

Роль визуальных образов в художественном универсуме стихотворения А.А. Тарковского «Еще в ушах стоит и гром и звон...»

The role of visual images in the artistic universe of A.A. Tarkovsky's poem "There is still thunder and ringing in my ears..."

Казмирчук О.Ю.

Канд. филол. наук, доцент ГАОУ ВО МГПУ, 129226, г. Москва, 2-й
Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,
e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Kazmirchuk O.Y.

Candidate of philological Science, dozent of MGPU, 129226, Moscow, 2nd Agricultural
passage, 4, building 1.,
e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются визуальные образы, представленные в стихотворении А.А. Тарковского «Еще в ушах стоит и гром и звон...», а также предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: какие семантические коннотации связываются в художественном универсуме А. Тарковского с образами этого типа и почему автор отдает предпочтение именно таким образам.

Ключевые слова: А.А. Тарковский, «Еще в ушах стоит и гром и звон...», визуальные образы, тема преодоления смерти.

Abstract

The article analyzes the visual images presented in A.A. Tarkovsky's poem «There is still thunder and ringing in my ears...», and also attempts to answer the following questions: what semantic connotations are associated in the artistic universe of A. Tarkovsky with images of this type and why the author prefers such images.

Keywords: A.A. Tarkovsky, «There is still thunder and ringing in my ears...», the visual images, the theme of overcoming death.

Общеизвестно, что словесный образ (как и любой другой художественный образ) призван отразить окружающий человека мир и способствовать постижению этого мира, а значит, трудно переоценить его «визуальную» составляющую, непосредственно связанную с категорией изображения [1, с. 149]. Мне хотелось бы поразмышлять о роли визуальных образов в художественном универсуме стихотворения А.А. Тарковского «Еще в ушах стоит и гром и звон...», стихотворение было написано в 1976 г., позднее оно вошло в поэтическую книгу «Зимний день» (1980 г.). В первых строках Тарковского преобладают «звуковые» образы («Ещё в ушах стоит и гром и звон: / У, как трезвонил вагоновожатый!» [10, с. 338]). Посредством этих образов описывается движение трамвая (о значимости образа трамвая в русской литературе см. [3, с. 66–69; 11, с. 136]. Далее появляются наречия «туда» и «там»: «Туда ходил трамвай, и там была...» [10, с. 338]. Эти наречия традиционно характеризуют параметры, связанные с категорией пространства, а в любом литературном произведении пространство воссоздается (описывается) через «визуальные» мотивы и образы, читаем у

Тарковского: «Туда ходил трамвай, и там была / Неспешная и мелкая река – / Вся в камышах и ряске» [10, с. 338]. После этого поэт называет героев, находящихся в описываемом пространстве: «Я и Валя / Сидим верхом на пушках у ворот / В Казённый сад, где двухсотлетний дуб...» [10, с. 338]. Имя одного из героев (Валя), а также упоминание конкретных городских реалий («Казённый сад») свидетельствуют о том, что при создании художественного универсума стихотворения «Еще в ушах стоит и гром и звон...». Тарковский активно использует элементы собственной биографии. Валя – старший брат Арсения Тарковского, Валерий, Казённый сад – городской сад на окраине Елисаветграда (город, в котором родился и вырос Арсений Тарковский), у входа в сад стояли две пушки – предмет постоянного восхищения местных мальчишек, и даже двухсотлетний дуб – елисаветградская достопримечательность, городская легенда гласила: под этим дубом князь Потёмкин-Таврический проводил военные советы (дуб засох и был спилен в 1915 г. [9, с. 377–378, 476–477; 13, с. 39]). Несколько конкретных визуальных образов (сад на окраине города, пушки, стоящие у ворот) способствуют актуализации автобиографического контекста, а присутствие подобного контекста позволяет точнее интерпретировать мотивы и образы, представленные ранее, например, «неспешная и мелкая река вся в камышах и ряске» – это Сугакля, приток Ингула [13, с. 39], одно из самых известных упоминаний этой реки в поэзии А.А. Тарковского – стихотворение «Река Сугакля уходит в камыш...».

Так постепенно в стихотворении А. Тарковского «Еще в ушах стоит и гром и звон...» возникает ландшафт города Елисаветграда (родного города поэта): трамвай, река и, наконец, описывается пространство городского сада, за старым дубом указываются другие элементы садово-паркового универсума: «Мороженщики, будка с лимонадом / И в синей раковине музыканты» [10, с. 338]. Все перечисленные элементы объединяет наличие «визуального» компонента, а также их семантическая соотнесенность с темами лета и детства, ведь указанные объекты в полной мере соответствуют детскому представлению об удовольствиях, получаемых во время летней прогулки. Тема лета активно позиционируется в следующей строке: «Июнь сияет над Казенным садом» [10, с. 338]. Но у Тарковского июнь – не только универсальный маркер начала лета, июнь – знаковый для поэта месяц, поэт родился 25 июня, эта дата не раз обыгрывалась в его лирике (ср., например, стихотворения «25 июня 1935 года» и «25 июня 1939 года» из поэтической книги «Гостыя-звезда»). Мотив июня в творчестве Тарковского часто соотносится с темой детства и с темой судьбы, что будет реализовано и в этом стихотворении.

Еще одним атрибутом летнего сада в интересующем нас тексте становится музыка: «Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта / Свистит, но слышно, как из-под подушки: / Вполбарабана, вполтрубы, вполфлейты / И в четверть сна, в одну восьмую жизни» [10, с. 338]. Если при первом упоминании мотивов, связанных с категорией звука (звон движущегося трамвая), звук оценивается как слишком громкий, то теперь звуки, напротив, слабые, едва различимые (для их характеристики используются неологизмы, созданные на основе номинаций музыкальных инструментов). «Звуковые» характеристики в стихотворении А.А. Тарковского осмысляются как нечто избыточное (слишком громкое) или, напротив, недостаточное (слишком тихое), а наиболее точно мир представлен образами «визуальными». Зрительные образы преобладают и в следующей строфе, начинающейся достаточно подробным описанием героев-мальчиков: «Мы оба / (в летних шляпах на резинке, / В сандалиях, в матросках с якорями) ...» [10, с. 338]. Визуальные образы, одежда и обувь, являются очевидным временным маркером (маркером таких категорий как лето и детство [6, с. 135]), кроме того, в семейном архиве Тарковских хранилась фотография, на которой были запечатлены братья Валя и Ася, одетые в одинаковые матроски (эта фотография довольно известна, она часто воспроизводится в издаваемых в наше время поэтических сборниках А.А. Тарковского).

После столь убедительной «визуализации» образов главных героев в художественном универсуме стихотворении А. Тарковского совершаются значимые изменения: усложняется временная структура (помимо прошлого (дорога в сад) и

настоящего (пребывание героев-мальчиков в городском саду) появляется будущее, имплицитно присутствующее в их настоящем: «Мы оба... /...Ещё не знаем, кто из нас в живых / Останется, кого из нас убьют...» [10, с. 338]. Здесь снова актуализируется автобиографический контекст: младший из братьев, поэт Арсений Тарковский, во время Великой Отечественной войны стал военным корреспондентом, был тяжело ранен, долго лежал в госпиталях, лишился ноги, но выжил [8, с. 251, 252–253; 9, с. 480–481; 13, с. 160–179]; старший, Валерий, рано увлёкся политикой, примкнул к анархистам, в мае 1919 г. он участвовал в подавлении антибольшевистского восстания, Валерий Тарковский погиб, прикрывая отступление отряда, юноше не исполнилось и шестнадцати лет [9, с. 380–386; 13, с. 41, 43]. Все перечисленные события остаются за рамками стихотворения, в его финале торжествует гармония: «О судьбах наших нет ещё и речи, / Нас дома ждёт парное молоко, / И бабочки садятся нам на плечи, / И ласточки летают высоко» [10, с. 339].

Нетрудно предположить, что мотив незнания собственной судьбы, недореализованность, недооволащённость этой судьбы коррелирует с идеей негромко звучащей музыки: «...Вполбарабана, вполтрубы, вполфлейты / И в четверть сна, в одну восьмую жизни» [10, с. 338]. Герои-мальчики в стихотворении А. Тарковского практически бессмертны, неслучайно из всего разнообразия природного мира поэт в финале оставляет бабочек и ласточек, именно они сопровождают героев (бабочки и ласточки традиционно символизируют бессмертие человеческой души). Примечательна и ещё одна деталь: если ранее «визуальные» образы выстраивали пространство стихотворения «по горизонтали», теперь благодаря образам бабочек и ласточек появляется новое, «вертикальное», измерение.

Так в стихотворении А. Тарковского «Еще в ушах стоит и гром и звон...» визуальные образы не только формируют хронотоп (лето, город Елисаветград), но и семантически поддерживают важнейшую тему: тему преодоления смерти (вспомним фольклорно-мифологические коннотации, связанные с образами реки, дуба и птиц) [2, с. 185–186; 4, с. 434; 5, с. 419–420; 7, с. 171; 8, с. 114; 14, с. 307–308].

Идея потенциально возможного преодоления смерти – один из значимых элементов семейной мифологии Арсения Тарковского: тело брата Вали так и не было найдено, у родных сохранялась надежда на чудесное спасение юноши. В поэтическую книгу А. Тарковского «Зимний день» вошло ещё одно стихотворение, посвящённое родителям и брату, – это стихотворение «Жили-были». В стихотворении «Жили-были» судьба семьи и собственная судьба осмысливается А. Тарковским в соответствии с канонами волшебной сказки (что заявлено уже в названии), а значит, смерть вновь предстаёт как нечто преодолимое.

Завершая разговор о визуальной проблематике, стоит отметить ещё один факт: сын Арсения Тарковского, Андрей, был похож на отца и дядю. Арсения Тарковского очень тревожило подобное сходство, он боялся, что сын повторит его судьбу или, что ещё страшнее, судьбу Вали (об этом свидетельствуют письма поэта к первой жене и воспоминания дочери поэта, Марины [13, с. 43–44; 157–158]). Можно также предположить, что поэтика визуального сходства, влекущего за собой сходство духовное, столь значимая в фильме Андрея Тарковского «Зеркало» [12, с. 229, 238–239], отчасти подсказана именно семейной историей Тарковских.

Литература

1. Гиршман М.М., Домащенко А.В. Образ художественный // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008.
2. Данилкова Ю.Ю. Между преданием и легендой: новелла Т. Шторма «Всадник на белом коне» // Вестник РГГУ. 2012. № 18. – С. 180–192.
3. Девятова Н.М. О сравнительном потенциале предметных существительных // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием [27–28 мая 2022] / под науч. ред. Т. П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. – С. 64–73.

4. *Девятова Н.М.* Река как образ русского сравнения // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. – С. 434–440.
5. *Захарова М.В.* Вода добрая и злая... (ценностные аспекты концептуального поля «вода» в сознании носителей современного русского языка // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. С. 418–433.
6. *Казмирчук О.Ю.* Специфика интерпретации образа внешнего мира в лирике А.А. Тарковского (на материале двух стихотворений о детстве из поэтической книги «Зимний день» // История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г.: Коллективная монография. М.: Ярославль-Москва: Канцлер, 2024. – С. 133–140.
7. *Райкова И.Н.* «С моста в реченьку глядела»: фольклорный образ реки в кросс-жанровом аспекте // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. С. 171–183.
8. *Резниченко Н.А.* «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – Киев, 2014.
9. *Тарковская М.А.* Тарковские: Осколки зеркала. М.: Издательство АСТ, 2024.
10. *Тарковский А.А.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1991.
11. *Тименчик Р.Д.* К символике трамвая в русской поэзии // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 754. Т. 21 (Труды по знаковым системам). Тарту, 1987. – С. 135–143.
12. *Филимонов В.П.* Андрей Тарковский: Сны и явь о доме. М.: Молодая гвардия, 2011.
13. *Филимонов В.П.* Арсений Тарковский: Человек уходящего лета. М.: Молодая гвардия, 2015.
14. *Якушевич И.В.* Птицы: символ, метафора, метаморфоза // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – С. 306–319.